

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ОСНОВА РАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: Предметом настоящей статьи является конституционализм как основа рациональной политической системы современного общества. Поставленная автором цель анализа заключается в обосновании системной роли конституционализма в формировании политической системы как особой, совершенной формы рациональности, базирующейся на принципе максимизации, определяющего достижение рационального уровня взаимодействия государства и гражданского общества, который позволяет достигать максимального положительного эффекта. Опираясь на методологию системного подхода, автор указывает на то, что конституционализм выступает как особая система, определяющая форму организации и динамику политико-властного взаимодействия государства и гражданского общества, источником развития которой выступают присущие этому взаимодействию противоречия. На основе такого понимания в работе определено, что конституционализм способен выступать как основа рациональности данного взаимодействия, задающая определенные параметры политико-властной организации и функционирования политической системы как целостности. Это вытекает из того, что роль конституционализма и состоит в предложении ресурсов активности (идейно-ценностная подсистема), определении параметров активности (институциональная подсистема) и фактических методов и форм активности (поведенческая подсистема) политической системы общества. Соответственно, именно в процессе конституционального опосредования происходит замещение «сбивающих» средовых воздействий на политическую систему, что позволяет обеспечить структурирование и функционирование ее элементов адекватно конституционализму.

Abstract: The object of this article is constitutionalism as the basis for the rational political system in the modern society. The goal of the analysis is to substantiate the systemic role of constitutionalism in the formation of the political system as a special perfect form of rationality, based on the maximization principle, allowing to establish and achieve the rational interaction between the state and civil society, and allowing for the maximum positive effect. Based on the methodology of the systemic approach, the author points out that constitutionalism serves as a special system, defining the form of organizations and dynamics of political power in the interactions between the state and civil society, while the inherent contradictions serve as the source for its development. Based on such an understanding, it is stated that constitutionalism is capable of forming the basis for the rational interaction, providing for certain parameters of the political power organization and functioning of the political system as an entity. It follows from the fact that the role of constitutionalism is to provide activity resources (the sub-system of ideas and values), to determine the parameters for the activity (institutional sub-system) and factual methods and forms of activity (behavior sub-system) in the political system of a society. Accordingly, it is in the process of constitutional mediation that the “confusing” influences of the environment on the political system are substitute, allowing for the structuring and functioning of its elements adequately to constitutionalism.

Ключевые слова: конституционализм, политическая система, системный подход, рациональность, государство, политическая власть, гражданское общество, политико-правовая среда, целостность, общество

Keywords: constitutionalism, political system, systemic approach, rationality, state, political power, civil society, political and legal environment, wholeness, society.

В обосновании ключевой роли конституционализма как основы рациональной политической системы современного государства лежит опыт генезиса конституционализма, связанный с зарождением государственности США. Появление и развитие молодого американского государства происходило практически «с нуля»: на новой территории, в условиях формирующегося народонаселения и системы

государственной власти. Это позволило «отцам-основателям» государства и конституции США обеспечить формирование, и в настоящее время, передовой формы политического устройства, отличной от моделей уже существующих, опирающейся на передовые идеи европейских мыслителей при отсутствии наследия исторического прошлого. Это предопределило появление нового основания такого устройства – консти-

туционализма. Именно противоречие исторических традиций бытия государства и насущная потребность рационализации политического устройства определили положительную динамику становления конституционализма в современных государствах. В этой связи проблема соотношения конституционализма и конституции приобретает четкое разрешение: конституционализм есть основное условие не только появления конституции как отражения определенной идеальной формы политической системы, но и фактор определяющий рациональность ее практической реализации, обеспечивающей формирование реального конституционного государства.

Основной целью системного исследования конституционализма является разработка концепции, объясняющей содержательную и функциональную составляющие, которые и выступают основаниями политической системы. В общем понимании политическая система общества есть совокупность специфических элементов, структурно взаимосвязанных политическими отношениями, где системообразующим фактором выступает политическая власть. Исходя из подобного понимания политической системы, определим ее как функциональную триаду, составными частями которой являются государство, гражданское общество и политическая власть как объединяющий их элемент. В качестве идеальной конструкции данная триада и представляет собой политическую систему современного общества.

Говоря о рациональности политической системы, необходимо подчеркнуть, что рациональность предполагает однозначность в трактовке существования этой системы. Роль конституционализма в определении рациональности политической системы состоит в задании ей определенных норм и правил, стабилизирующих эту систему, так как рациональная политическая система, фактически и есть следствие соблюдения этих норм. Рациональность в классическом понимании предстает как системность, внутренняя согласованность, строгое соблюдение логических и методологических приемов и правил. Выступая как специфический способ взаимодействия человека с миром, она является, замечает В. А. Лекторский: «...неким идеалом, далеко не совпадающим с современными практическими реалиями. Однако это такого рода идеал, культивирование которого жизненно важно для судеб современной культуры»[1]. Рациональность политической системы есть степень приближения ее организации и функционирования к системе конституционализма, адекватность элементам и взаимосвязям, внутренней иерархии и целостности

конституционализма как идеальной формы политического устройства общества.

В основе рациональности структуры и динамики системы, определяющей ее существование, лежит ее двойственность, которая состоит в том, что, с одной стороны, рациональность рассматривается как внутренняя непротиворечивость выбора целей системы, а с другой – в том, что рациональность отождествляется с максимизацией собственной выгоды субъекта[2]. Именно целостность государства и гражданского общества предполагает четкое осознание ими своих целей и способность выбирать лучшие решения для их достижения в процессе политико-властных отношений. Учитывая, что совершенная форма рациональности базируется на принципе максимизации, достижение рационального уровня взаимодействия государства и гражданского общества позволяет достигать максимального положительного эффекта.

Конституционализм выступает как особая система, определяющая форму организации и динамику политико-властного взаимодействия государства и гражданского общества, источником развития которой выступают присущие этому взаимодействию противоречия. На основе такого понимания конституционализм способен выступать как основа рациональности данного взаимодействия, задающая определенные параметры политико-властной организации и функционирования политической системы как целостности.

В методологии системного подхода целостность представляет собой атрибутивный, то есть внутренне присущий признак системы. Как понятие «целостность» используется в двух смыслах: как обозначение открытого незамкнутого процесса становления системы целым (предмет) и как обозначение свойства (признака) системы, уже ставшей целым, свойства «быть целым»[3]. В основе этого лежит понимание целостности как способности системы к сохранению своей качественной специфичности в изменяющихся условиях среды.

Целостность – эмерджентное качество системы, которое позволяет определить элементы политической системы самостоятельными субъектами политико-властных отношений. Вместе с тем, только особый, рациональный, уровень подобного взаимодействия государства и гражданского общества, формирует их как самостоятельные целостные системные образования, позволяя говорить о целостности политической системы, или точнее – ее реальном существовании.

Как системные объекты, государство и гражданское общество выступают а) как полиструктурные

многоуровневые образования и б) как подсистемы политической системы общества. Они характеризуются базовыми качествами, составляющими их основу как целостности: интегрированностью, активностью и устойчивостью. Интегрированность предопределяет выделение отдельных системных элементов, формирующих специфическую совокупность, проникнутую определенными взаимосвязями. Достаточно четко значимость интеграции как базового качества показана В.П. Кузьминым: «...Различие суммативных и целостных множеств состоит в феномене интеграции... В определенном смысле системный подход и есть методологическое средство изучения интеграции»[4].

Каждая из подструктур и единая структура предполагает наличие целостных свойств, которые проявляются в функционировании системы. М.С. Коган подчеркивает, что основная функция структуры в организуемой ею системе и заключается в том, чтобы обеспечить системе внутреннюю прочность, устойчивость, высокую степень сопряженности всех ее компонентов в каждой подсистеме, ее способность противостоять среде в качестве самостоятельного, не растворяющегося в ней и так или иначе противостоящего ей образования[5]. Это особенно актуально в формировании структурного взаимодействия государства и гражданского общества, предполагающего структурную симметричность данных подсистем. В общем случае симметрия выражает степень упорядоченности какой-либо системы или объекта. Симметрия – это неизменность (инвариантность) формы, свойств и характеристик объекта по отношению к каким-либо преобразованиям (операциям) над ним. Но применительно проблеме структурной симметричности государства и гражданского общества особо существенно положение об иерархии элементов политической системы, которое является одним из основных при исследовании в рамках методологии системного подхода.

Понятие «иерархия» используют тогда, когда речь заходит о сложных формах субординации. Она упорядочивает взаимодействие власти и общества по линии соподчинения не просто как целостность, а как систему, в которой деятельность одного порядка оказывается зависимой от деятельности второго порядка, деятельность второго порядка – от деятельности третьего и т.д.[6]. Когда различие государства и гражданского общества построено на строгой их дифференциации в отношении потребления ресурсов и степени защиты от сбивающих факторов политической среды, именно иерархичность структуры позволяет определять приоритеты в указанных отношениях. Это выражается в

существовании структурной асимметрии во взаимодействии государства и гражданского общества.

Как отмечал Ю.М. Плюсин применительно к биологическим системам: какими бы ни были уровни организации они имеют такие имманентные свойства, что любое взаимодействие биосистем оказывается асимметричным. Принцип асимметричности должен быть положен в основу анализа социального поведения[7]. Посылку к разрешению данного противоречия дает Г. Г. Ершова, которая указывает, что диктаторская власть более развитых социумов выражает резкую асимметрию формы социосистемы и потому малоустойчива. Демократизация власти, по всей видимости, является формой реализации симметрии[8]. В этой связи возникает потребность в установлении иерархического порядка в системном взаимодействии государства и гражданского общества. Каждая подсистема рассматривается как составная часть вышестоящей, при этом, с одной стороны, она подчинена ей в своих проявлениях, с другой – определяет свойства вышестоящей системы на основе собственных свойств. С этих позиций и рациональность структуры политической системы может предполагать иерархически упорядоченную совокупность взаимосвязанных и взаимодополняемых элементов.

В рамках системного подхода, по мнению А. П. Баранова и В. Р. Григорьева, объективным показателем системы служит ее состояние в процессе функционирования, о котором можно судить по динамике системы[9]. При этом функции и свойства, характеризующие поведение элементов политической системы, есть ни что иное, как функции и свойства их специфического строения. Раскрытие строения указанной системы оказывается конечной целью познания их поведения.

В методологии системного подхода под функцией понимается вид активной и притом целенаправленной деятельности биологических, социальных или технических систем и их частей[10], а так же действия для достижения целей, способы проявления активности[11]. Более общее определение понятия «функция» дано в трудах Р. Мертона: под функцией он подразумевает наблюдаемые реальные мотивы и последствия социального воздействия, способствующие приспособлению (адаптации) данной системы к изменениям в ее среде. При этом то, что уменьшает адаптационные способности данной системы, ученый называет дисфункцией[12].

Современное общество – это реальные и весьма устойчивые человеческие отношения. Они не располагаются в конкретном государственном аппарате или

общественной организации. Поэтому государство и гражданское общество в данном случае есть ни что иное, как самостоятельные функции. Политическая власть в обществе в качестве функции уже не может быть присвоена одним лицом. Отчужденную, неперсонифицированную политическую власть рассматривают как машину. Функции политической власти не следует смешивать с теми или иными сферами деятельности государства или гражданского общества и задачами, которые при этом решаются с помощью определенных методов осуществления политической власти. Соответственно, гражданское общество функционально не смешивается с государством, выступая его альтернативой. Функционально взаимодействуя друг друга они выступают как функциональная целостность, обуславливающая индивидуализацию государства и гражданского общества как системных объектов.

Введенное У. Матураной понятие аутопойезиса – живой системы, позволяет использовать данный феномен в анализе активности элементов политической системы. По его мнению, процессы аутопойезиса свойственны не всем социальным системам, а только «естественным», примерами которых являются семьи, клубы, политические партии. В своем исследовании [13] он подчеркивает, что организация определяет главные отношения, которые конституируют систему как целое, тогда как структура системы, т.е. взаимодействие элементов, может меняться. «Посредством своей организации живая система определяет область всех взаимодействий, в которые она может вступать без утраты собственной идентичности» [14]. Поэтому живая система является самореферентной системой. То, что она может эффективно существовать в меняющейся окружающей среде, по мнению У. Матураны, означает, что эта система имеет «знания», она может распознавать и познавать среду. Он вводит следующее определение когнитивной (познающей) системы: «это система, организация которой определяет область взаимодействий, где она может действовать значимо для поддержания самой себя, а процесс познания – это актуальное (индуктивное) действие или поведение в этой области» [15]. Понимание элементов политической системы как живых подсистем не только помогает выделить их функции исходя из определенной совокупности когнитивных элементов как динамического образования, но и позволяет на основе целенаправленного функционирования, или достижения целей, обусловивших их создание и существование, определить рациональность их взаимодействия.

Становится ясным, что усиление факторов, обуславливающих функциональную целостность, целесообразно лишь при условии одновременного усиления межуровневых отношений и связей, определяя выраженность иерархичности структуры. Если усиления межуровневых отношений и связей системы не происходит, то факторы функциональной целостности ослабевают, и система при нарушении симметрии может распасться. И. А. Торгунов указывает, что такая противоречивость двух конкретных элементов системы разрешается в сущности третьего элемента, находящегося, в свою очередь, в определенном закономерном соотношении с этими элементами. При этом функциональный эффект как степень достижения стоящих перед политической системой целей может быть обусловлен и эффективной работой сразу всех ее элементов, и способностью одних элементов системы компенсировать сравнительно низкую эффективность других.

Истинные системы (организма) всегда функциональны по своей сути – подчеркивал П. К. Анохин [16]. Именно функция интегрирует в единый комплекс внутренние характеристики государства и гражданского общества, их политико-властное взаимодействие друг с другом и с политической средой, способ интеграции существующего потенциала на разрешение возникающих противоречий. Функция, как имманентное свойство системы, всегда есть способность к направленному действию для ее самосохранения, самоуправления и саморазвития в изменяющихся условиях жизнедеятельности. Но саму функцию независимо от ее природы можно реализовать лишь в структуре.

Поскольку системный подход рассматривает государство и гражданское общество как средство достижения определенных целей или объективных тенденций (разрешения противоречий), необходимо дифференцировать их свойства по ориентированности на эти цели (тенденции), выделить целеориентированные свойства на фоне всех остальных. Здесь, однако, нужно принять во внимание, что одни и те же свойства могут обнаруживать различную степень пригодности для достижения цели в зависимости от среды, в которой эта реализация может иметь место [17].

Целостность с позиций управления – функциональное свойство системы, её параметр, который может проявляться в различной степени, вплоть до полного исчезновения [18], поскольку целостное функционирование – это согласованная реакция элементов системы на внешнее воздействие. Такая функция, как отмечает Э. Г. Винограй, как правило, институционально определяется, то есть формируется как определенная

структурная подсистема (со всеми признаками системы), которой свойственен подбор организационных активностей в условиях постоянно действующих негативных факторов. Для описания целостности взаимодействия государства и гражданского общества важна не столько степень их автономности как политических подсистем, сколько принципиальная возможность определить содержание их взаимодействия по заданному состоянию политической среды на основе обратной связи.

Существование «обратной связи» в системе, в частности как обратного воздействия результатов функционирования государства и гражданского общества друг на друга, позволяет оценить реальность достижения целей, выявить особенности среды функционирования. Наличие обратной связи представляет собой объективное условие существования политической системы как саморегулирующегося объекта. Обратная связь, по определению, есть «воздействие результатов функционирования какой-либо системы (объекта) на характер этого функционирования. Основная идея заключается в том, чтобы использовать сами отклонения системы (объекта) от определенного состояния для формирования управляющего воздействия»[19]. Механизм обратной связи позволяет автоматически учитывать новые сведения о состоянии объекта при его малых отклонениях от желаемого состояния и менять соответственно управляющие воздействия, без вмешательства управляющего субъекта.

Влияние политической среды в любом случае оказывает воздействие на определенный элемент структуры политической системы или параметр его функционирования. Это становится источником информации, позволяющей корректировать как структуру государства и гражданского общества, так и реализацию их функций. Например, неадекватная реакция населения на принятие закона о монетизации льгот есть отклонение от ожидаемого результата при реализации социальной функции государством. Фактически, на основе непрерывного учета такого рода отклонений и должен быть основан механизм взаимодействия государства и гражданского общества.

Как отмечал П. К. Анохин, само отклонение от нормы служит стимулом возвращения к норме. Соответственно, политическая система как система функциональная при эффективном построении и использовании результатов обратной связи становятся самосовершенствующейся. По замечанию Б. З. Мильнера, способность системы управления в короткие сроки изменять состояние и способы функционирования как собственных подсистем, так и управляемых объектов –

важный показатель ее организационного качества[20]. Организованность становится мерой эффективности функционирования системы.

Специфика, существо и смысл функциональной активности политической системы состоят в организации, реализации и защите определенного, как правило, конституционно формализованного политического порядка жизнедеятельности общества. Отдельные функции ее элементов лишь относительно самостоятельны и подчинены единой цели. Специфические намерения и интересы, отражающие общественное сознание, выступают в качестве ее нормативных целей. Целесообразным поведением может быть охарактеризовано стремление элементов политической системы в существующих, меняющихся или постоянных условиях политической среды, выполнять определенный образ действий, который обеспечивает их адаптацию (устойчивость) к политической среде. Устойчивость функционирования как свойства целостности политической системы предполагает ее способность эффективно функционировать в экстремальных ситуациях, а в случае нарушения функционирования – восстанавливаться за минимальное время.

Целостность государства как интегративное качество может выступать таковой только в рамках полной независимости, то есть в условиях суверенного государства. Как замечает К. Шмитт: «Не существует нормы, которая была бы применима к хаосу... Должна быть создана нормальная ситуация, и сувереном является тот, кто недвусмысленно решает, господствует ли действительно это нормальное состояние... Суверен создает и гарантирует ситуацию как целое в ее тотальности»[21]. В этом отношении государства является единым и неделимым. Именно поэтому целостность государства необходимо рассматривать как качество его организации и функционирования, определяющее устойчивость и стабильность и находящее свое отражение в особом политическом режиме как способе властного взаимодействия с гражданским обществом. Как следствие можно признать, что в основе структурного деления политической активности на общественную и государственную лежит фундаментальное различие между государственным и народным суверенитетом.

Структурная и функциональная целостность – детерминирующее и доминирующее качество современной политической системы. Это предполагает, во-первых, необходимость примата верховенства в политической системе целого над частями и элементами, целостности целого над целостностями частей и элементов, и, во-вторых, что целостная политическая

форма – единственно возможная форма ее существования в современном обществе.

В работах по системному анализу условия сохранения целостности системы формулируются следующим образом[22]: система будет сохранять целостность, если суммарная энергия движения не будет превышать энергию её внутренних связей; система будет сохранять свою целостность, если энергия её внутренних связей будет превышать суммарную энергию внешних системоразрушающих воздействий. Указанные условия способны создаваться при наличии полного приспособления к среде (или гомеостаза) как особого системного свойства самоорганизующейся системы. Стремление к устойчивости является реальной основой проявления функциональной целесообразности политической системы.

Значительным шагом в развитии представлений о гомеостазе явилась разработка концепции кибернетиком Н. Винером[23]. Он формально описал механизм возникновения и поддержания гомеостаза как контур отрицательной обратной связи с задающим сигналом. Фактически в этом понятии гомеостаз был признан свойством структурной организации систем независимо от их природы (естественных и искусственных). Поэтому в теории управления гомеостаз стал означать сохранение постоянства внутренней среды системы в ходе реализации любых управленческих программ.

Но абсолютное преобладание гомеостатических структур приводит к замедлению развития системы, застою. Это понятно, так как гомеостаз не несет в себе источника развития... С другой стороны, абсолютное преобладание противоречивых структур приводит не к развитию, а к разрушению, распаду системы. Действительно, если все элементы системы находятся в отношениях противоречия, то не остается основы для формирования нового качества. Соответственно, рациональность гомеостаза как формы структурной организации и функционального взаимодействия государства и гражданского общества как целостной системы является результатом компромисса между рациональным использованием ресурсов и реализуемым достаточно широким выбором структурных и функциональных возможностей. Это компромисс между целенаправленностью функционирования и обеспечением самосохранения подсистем.

Проблема устойчивости и, соответственно, стабильности политической системы общества, несомненно, одна из основополагающих. Как замечал С. Хантингтон, наиболее существенная политическая характеристика различных обществ связана не с фор-

мой их правления, но со степенью управляемости. В более позднем труде он выразил эту мысль следующим образом: «Различие между порядком и анархией носит более фундаментальный характер, чем различие между демократией и диктатурой»[24]. Данную мысль С. Хантингтон объяснял тем, что современность нуждается в стабильности, но осовременивание (модернизация) порождает нестабильность.

Обобщенное понятие «основы» формулируется как неизменность состояния, несмотря на изменение условий существования или системы координат[25]. Соответственно, конституционализм как основа целостности политической системы должен предполагать как неизменность ее элементов – государства и гражданского общества вне зависимости от влияния иных средовых воздействий, так и целесообразное их политико-властное взаимодействие. Подход, основанный на том, что государство и гражданское общество стремятся поддерживать состояние внутреннего и внешнего равновесия, должен предполагать наличие определенных воздействий. Именно они приводят к тому, что политико-властные отношения могут выходить из предполагаемого стабильного состояния.

Система отнюдь не обязательно реагирует на внешнее возмущение лишь путем колебания вблизи исходной точки равновесия или двигаясь к точке нового равновесия. Она может справляться с возмущающим воздействием, стремясь изменить свое окружение таким образом, чтобы взаимодействие между ней и этим окружением не приводило к росту нестабильности. Элементы политической системы на основе гомеостаза под воздействием дифференцированных факторов политико-правовой среды способны менять структурные отношения, цели и методы активности, что делает возможным как оптимизировать их структуру и повысить эффективность функционирования, так и прийти к обратному результату.

Определение политико-правовой среды как условия политико-властного взаимодействия государства и гражданского общества предполагает выявление факторов, определяющих направление развития системы и тип взаимодействия со средой, выявление природы взаимного влияния их функционирования и условий среды, порождающих различные модели поведения, проектирование оптимальной специфической среды организации и функционирования политической системы.

Анализ политико-правовой среды, в которой взаимодействуют государство и гражданское общество, необходим потому, что, с одной стороны, позволяет понять, откуда и каким образом они возникает, какие

механизмы обеспечивают их существование, с другой – дает возможность оценить факторы, оказывают влияние на их формирование даже в тех случаях, когда и государство и гражданское общество отказываются признать факт такого влияния.

Процесс политико-властного взаимодействия государства и гражданского общества изначально привязан к политико-правовой среде. Данная сложная среда представляет собой среду отличную от физической среды, и включает в себя не только явления, описываемые в терминах физики и химии, но и мир живых организмов, если только они не интегрированы в систему действия. Государство и гражданское общество как сложные системы взаимодействуют и обмениваются ресурсами как друг с другом, так и окружающей их политико-правовой средой. Именно политико-правовая среда способна определять ресурсы существования и параметры функциональной активности политической системы. При отсутствии определенных оснований она способна изменить и сама себя, используя ресурсы среды. В этих условиях характер политико-властного взаимодействия «государство – гражданское общество» определяется их целесообразностью как систем, наличием определенных оснований, уровнем их активности и устойчивости.

Крайне существенно, что роль конституционализма и состоит в предложении ресурсов активности (идейно-ценностная подсистема), определении параметров активности (институциональная подсистема) и фактических методов и форм активности (поведенческая подсистема) политической системы общества. В процессе конституционального опосредования происходит замещение средового воздействия на нее, что позволяет обеспечить структурирование и функционирование ее элементов адекватно конституционализму.

В случае частичного или полного невосприятия конституционализма как ресурсной базы устойчивости элементы политической системы стремятся к получению иных средовых ресурсов, что приводит к противоречиям между ними. Соответственно, уже не среда, а сам способ потребления и источники ресурсов оказывают влияние на систему. Как системные факторы, подсистемы конституционализма в функционировании политической системы локализируются постановкой цели. Цель определяет и границу взаимодействия между ее элементами и необходимые принципы системной динамики: это обусловлено тем, что в конституционализме входят ряд подсистем как целеобеспечивающих факторов[26], в среду – все другие факторы, способные влиять на достижение цели. Вопрос «целеустремленности» системного взаимодействия государства и граж-

данского общества – это вопрос их взаимоотношения и интегрированности на основе идейно-ценностных, институциональных и поведенческих факторов с учетом политико-правовой среды.

Но конституционализм сохраняет только те совокупности элементов политической системы общества, которые и при изменившихся параметрах становятся системой, и в последующем, позволяют приближать политическую форму к идеальной. На это указывает и Я.Э. Лейн, утверждая, что единственным средством повысить устойчивость политических решений является конституционное государство, укрепляющее стабильность либо путем изменения институтов принятия некоторых решений, либо за счет исключения ряда альтернатив из числа потенциальных будущих решений[27].

При этом, учитывая потребность как государства, так и гражданского общества в самоопределении, необходимо понимание исходных моментов, предполагающих их самоактуализацию и самореализацию, сущность которых и заключается в том, что они как живые системы адаптируются к существующей политико-правовой среде исходя из степени развития и динамики конституционализма как ресурсной базы и задающей параметры их организации и функционирования основы. В процессе конституционального опосредования происходит «замещение» средового воздействия на элементы и связи политической системы, которое стабилизирует ее как структурно-функциональную целостность. То есть формируется гомеостаз, который выступает как динамическое постоянство структуры с рациональной взаимосвязью ее элементов и устойчивость функций, обеспечивающие целенаправленность действий (функциональная целостность) и сохранение качественного состояния состава и свойств структуры (структурная целостность) как условия существования политической системы современного общества.

Библиография:

1. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С.74.
2. Сен А. Об этике и экономике. М.: Наука. – 160 с.
3. Добронравова И. С. Синергетика: становление нелинейного мышления. К.: Лыбидь, 1990. С. 61-62.
4. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К.Маркса. М.: Политиздат., 1986. С.305.
5. Граждан В. Д. Координация и субординация в системе социального управления // Социальное управление. М., 2000. С. 237.

6. Плюсин Ю. М. Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука. Сиб. отд. 1990. – 240 с.
 7. Ершова Г. Г. Асимметрия зеркального мира. М.: Изд. РГГУ, 2003. – 260 с.
 8. Баранов А. П., Григорьев В. Р. О возможности структуризации понятия «безопасность системы» // Материалы конференции «Проблемы внутренней безопасности России в XXI веке» / Науч. ред. В. А. Возжеников. М. : ЗАО «ЭДАС-ПАК», 2001. С. 37.
 9. Кремьянский В. И. Синтез знания и проблема управления. М., 1978. С.149.
 10. Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М., 1981. С. 18, 26; Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. С. 35, 132;
 11. Протасов В. Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 28.
 12. Merton R. Social Theory and Social Structure. Glencoe, 1957. P. 50.
 13. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М., 1996. С.95-142.
 14. Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М. : Наука. 1978. С. 81.
 15. Сетров М. И. Основы функциональной теории организации. Л.: Наука. 1972. С.37.
 16. Крылатков П. П. Промышленное предприятие как целостное системное образование // Вестник УГТУ – УПИ, Экономика и управление. 2008, №3(92). С.4 – 11.
 17. Мильнер Б. З. Проблемы системного подхода к организации управления объединением // Экономика и математические методы. 1975. Т. II. Вып.6. С. 1027 – 1036.
 18. Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-пресс-Ц, 2000. С. 26
 19. Дружинин, В. В. Проблемы системологии / В. В. Дружинин, Д. С. Конторов. – М. : Советское радио, 1976. – 295 с.
 20. Винер Н. Кибернетика. – М. : Советское радио, 1968. – 488с.
 21. Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968. P. 1.
 22. Сагатовский В. Н. Системная деятельность и ее фило-софское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1980. М.: Наука, 1981. С. 52 – 68.
 23. Лэйн Я.-Э. Демократия и конституционализм // Полис. 1998. № 6. С. 32-49.
- References (transliteration):**
1. Lektorskii V. A. Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya. M.: Editorial URSS, 2001. S.74.
 2. Sen A. Ob etike i ekonomike. M. : Nauka. – 160 s.
 3. Dobronravova I. S. Sinergetika: stanovlenie nelineinogo myshleniya. K.: Lybid', 1990. S. 61-62.
 4. Kuz'min V. P. Printsip sistemnosti v teorii i metodologii K.Marksa. M.: Politizdat., 1986. S.305.
 5. Grazhdan V. D. Koordinatsiya i subordinatsiya v sisteme sotsial'nogo upravleniya // Sotsial'noe upravlenie. M., 2000. S. 237.
 6. Plyusnin Yu. M. Problema biosotsial'noi evolyutsii: Teoretiko-metodologicheskii analiz. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd. 1990.-240 s.
 7. Ershova G. G. Asimetriya zerkal'nogo mira. M.: Izd. RGGU, 2003. – 260 s.
 8. Baranov A. P., Grigor'ev V. R. O vozmozhnosti strukturizatsii ponyatiya «bezopasnost' sistemy» // Materialy konferentsii «Problemy vnutrennei bezopasnosti Rossii v XXI veke» / Nauch. red. V. A. Vozzhenikov. M. : ZAO «EDAS-PAK», 2001. S. 37.
 9. Kremyanskii V. I. Sintez znaniya i problema upravleniya. M., 1978. S.149.
 10. Afanas'ev V. G. Obschestvo: sistemnost', poznanie i upravlenie. M., 1981. S. 18, 26; Afanas'ev V. G. Sistemnost' i obschestvo. M., 1980. S. 35, 132;
 11. Protasov V. N. Pravootnoshenie kak sistema. M., 1991. S. 28.
 12. Merton R. Social Theory and Social Structure. Glencoe, 1957. P. 50.
 13. Maturana U. Biologiya poznaniya // Yazyk i intellekt. M., 1996. S.95-142.
 14. Anokhin P. K. Izbrannye trudy. Filosofskie aspekty teorii funktsional'noi sistemy. M. : Nauka. 1978. S. 81.
 15. Setrov M. I. Osnovy funktsional'noi teorii organizatsii. L.: Nauka. 1972. S.37.
 16. Krylatkov P. P. Promyshlennoe predpriyatie kak tselostnoe sistemnoe obrazovanie // Vestnik UGTU – UPI, Ekonomika i upravlenie. 2008, №3(92). S.4 – 11.
 17. Mil'ner B. Z. Problemy sistemnogo podkhoda k organizatsii upravleniya ob'edineniem // Ekonomika i matematicheskie metody. 1975. T. II. Vyp.6. С. 1027 – 1036.
 18. Shmitt K. Politicheskaya teologiya. M.: Kanon-press-Ts, 2000. S. 26

19. Druzhinin, V. V. Problemy sistemologii / V. V. Druzhinin, D. S. Kontorov. – М. : Sovetskoe radio, 1976. – 295 s.
20. Viner N. Kibernetika. – М. : Sovetskoe radio, 1968. – 488s.
21. Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968. P. 1.
22. Sagatovskii V. N. Sistemnaya deyatel'nost' i ee filosofskoe osmyslenie // Sistemnye issledovaniya. Metodologicheskie problemy. Ezhegodnik 1980. М.: Nauka, 1981. S. 52 – 68.
23. Lein Ya.-E. Demokratiya i konstitutsionalizm // Polis. 1998. № 6. S. 32-49.